

Наши гости

Луи Арагон
ФРАНЦИЯ

Облик Луи Арагона каждый представляет по-своему, в соответствии с тем, что ближе пережитому сердцем, прочувствованному душой, понятному разумом в его творчестве. Книгам Арагона присуща подлинная Поэзия — острая новизна мыслей и чувств, беспокойное желание выразить еще никем не сказанное о мире и человеке. Но как бы ни были знакомы строки лирики и поэм, страницы романов и эссе, встреча с автором озаряет их всегда неожиданным светом.

И вот прославленный поэт, человек, который старше нашего века на три года, свидетель многих его «звездных часов», художник, который никогда не замыкался в «башне из слоновой кости», сидит перед

нами, глядя на нас умными голубыми глазами. Он говорит с подлинно галльским остроумием, совсем просто, отнюдь не в стиле своей изысканно сложной поэзии и тонченно метафорической прозы.

Луи Арагон не дает интервью. Он пришел в редакцию журнала, где публиковали его произведения и писали о нем, встретиться с друзьями. Поэт десять лет не был в нашей стране, и поэтому беседа чуть сбивчива, ее участники спешат о многом сказать друг другу.

Прежде всего не терпится узнать, что нового создано мастером, уже подарившим нам огромный, разнообразный мир поэзии и прозы. Луи Арагон не собирается говорить о себе и своем творчестве в непроницаемо-серьезной манере избалованного славой мэтра и сразу «отделяется» шуткой:

— Теперь я стар, сплю очень мало и написал за этот год больше, чем когда-либо.

Но настойчивость в расспросах все-таки вознаграждается, и Арагон сообщает, что подготовил для издательства «Галлимар» книгу не входивших ранее в его сборники стихотворений. Разговор заходит о другой новинке, которую он показал, именно показал, москвичам: драматической поэме греческого поэта Янниса Рицоса «Исмена».

— Янниса Рицоса я знаю давно, — рассказывает Луи Арагон, — и преклоняюсь перед его талантом. Я горжусь, что в трудные времена бывал в числе тех, кто помогал ему освободиться из тюремного заключения. «Исмена» поразила меня оригинальным сочетанием истинного духа Древней Греции и современности. Я дал молодому поэту Гранмону перевести ее на французский, снабдил комментариями, короче — превратил в своего рода пьесу. После этого я начал искать средства на ее постановку. Некий меценат-финансист пообещал дать денег, но с одним «маленьким» условием: он потребовал, чтобы я

вышел из коммунистической партии. Я ответил ему, что состою в партии без малого полвека и не вижу причин на старости лет менять свои убеждения. Деньги я все-таки нашел, «Исмена» прошла в Париже, Вене и теперь — в Москве. Постановка пьесы явилась пошечиной всем тем, кто хотел этому помешать.

Столкновение высокого искусства с низкой прозой закончилось в пользу Поэзии «Исмена» стала примером творческого общения двух выдающихся поэтов.

Воссоздание поэзии на чужом языке, вся гамма проблем «высокого искусства» перевода никогда ранее не обсуждались столь активно. Наше время — эпоха невиданно бурного развития международных литературных связей. Задача переводчиков поистине грандиозна: сделать поэзию всех без исключения народов — больших и «малых» — общечеловеческим достоянием. Луи Арагон имеет самое непосредственное отношение к переводческому «цеху». Исключительное знание мировой литературы (поэт владеет двенадцатью языками) и богатейший опыт (много лет Арагон возглавлял созданную им серию «Советские литературы», которую выпускает издательство «Эдитер франсе реюни») делают его авторитетным судьей в вопросах перевода, хотя некоторые его суждения звучат не совсем привычно даже парадоксально.

— Всегда можно перевести прозу, — говорит Луи Арагон, — но стихи фактически нельзя перевести на чужой язык. По себе знаю, какое это трудное, мучительное занятие — переводить. Возьмите, к примеру, Пушкина. Для антологии «Русская поэзия», составленной Эльзой Триоле, я в свое время перевел несколько строф из «Евгения Онегина» и потратил на это восемь лет. Если бы я захотел полностью воссоздать пушкинский роман по-французски, мне не хватило бы жизни.

Плохие стихотворные переводы губят поэзию. Лучше давать читателю честные переложения в прозе поэтических шедевров. По моему, большие поэты не должны браться за переводы. Кстати, у них здесь редко бывают удачи. Я бы предпочел, чтобы мои стихи переводил профессиональный переводчик, которому будет интересно работать над моей поэзией, а не выражать самого себя.

Простите за откровенность, но у вас опубликовано немало посредственных переводов моих стихотворений. Я при этом не отрицаю, что были и удачи. Слуцкий, к примеру, прекрасно передал фрагменты из поэмы «Меджнун Эльзы». И еще я хочу сказать: если кто-либо пожелает перевести мои стихи, пусть он приезжает ко мне в Париж, увидит и почувствует то, что меня вдохновляло.

Я отнюдь не считаю, что следует прекращать заниматься переводами стихов. Несмотря на все сложности — а они громадны! — переводить необходимо. Это работа интересная, она важна даже в случае неудачи.

С моей точки зрения, будущее станет временем переводчиков.

Мы знаем, что Луи Арагон необычайно чуток к поэтической молодежи. Он открыл во Франции ряд интересных дарований, введя их в большую литературу. Поэтому вполне резонен вопрос, как наш гость оценивает нынешнее состояние французской поэзии.

— Я боюсь отвечать на этот вопрос, — говорит Луи Арагон. — Сейчас во Франции мало читают поэзию, особенно молодую. Думается, большинству людей вообще присуще читать в поэзии уже знакомое, а не искать новое. Предугадать, кого будут читать хотя бы через несколько лет, чьи репутации утвердятся, почти невозможно. Когда мне было четырнадцать лет, я прочел книгу известного литературного критика Рене Думика. Он в ней уделил три строчки Верлену и две — Рембо. Думик просто не знал их или не признавал за настоящих поэтов. А для меня и для целых поколений читателей творчество Верлена и Рембо явилось откровением, одной из вершин французской поэзии.

Заметить новое трудно. Покойный президент Жорж Помпиду очень любил поэзию и искусство. Он составил солидную антологию французской поэзии. И случилась грустная история: в эту книгу он включил стихи, которые входили во все другие антологии, нового в ней ничего нет.

Среди молодых, но уже приобретших известность поэтов Луи Арагон называет имена Жана Риста, Жака Рубо, Мориса Реньо, Бернара Варгафтига. Он считает их самобытными, перспективными авторами, однако от оценок их творчества воздерживается.

— Поэзию Франции знают у вас в редакции лучше, чем я, — шутит он.

Когда речь зашла об изданиях сочинений Арагона в СССР, он заявил, что принял решение отказаться от гонораров.

— Я честолюбив и отдаю свои произведения великой стране. Вы можете печатать любые мои поэтические и прозаические вещи: то, что я написал, принадлежит всем.

Имя Луи Арагона, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», связано с величайшим движением современности — борьбой за мир. Наш гость отмечает важные, необходимые людям всей земли перемены, которые происходят в условиях разрядки международной напряженности.

— Все, что Советский Союз предпринимает в сфере внешней политики, способствует и распространению советской литературы. Во Франции, например, ваши литература, поэзия, искусство вызывают все больший интерес, их знают все лучше и глубже. Естественно, остаются вопросы, которые еще ждут решения. Но я уверен, что придет время, когда поэзия станет всеобщим достоянием, будет служить благому человечеству.

ЛЕВ ТОКАРЕВ